

Сивкина Наталья Юрьевна

д-р ист. наук, доцент, профессор

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

старший научный сотрудник

НОЦ «Славяно-греко-латинский кабинет» Нижегородского
государственного Лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

Колбасов Максим Николаевич

студент

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ОБРАЗ ЭДИПА В ТРАГЕДИЯХ СОФОКЛА

Аннотация: как известно, за литературными героями древнегреческой трагедии нередко скрывались реальные люди: политики и полководцы, граждане полиса и общественные деятели. В историографии существует давний спор о том, какой подтекст вложил автор в свои произведения. В статье анализируется жизнь и деятельность исторических лидеров, соответствующих образу мифического героя. Разбирая исторические явления и процессы, происходившие в жизни Афин, отмечается универсализм образа главного героя трагедий. По мнению авторов, Софокл таким образом представил не конкретного политического деятеля, а идеал афинского гражданина-патриота родного полиса.

Ключевые слова: Софокл, трагедия, Афины, Эдип, Перикл, Алкивиад, патриотизм.

В наши дни одним из актуальных вопросов воспитания подрастающего поколения становится формирование исторического мышления и нравственных ценностей, традиционных для российского общества [3; 6]. А воспитание гражд-

данина и патриота было, остается и будет важнейшей задачей государства и школы. Уроки истории являются прекрасным способом для реализации этой задачи, поскольку ретроспективный взгляд позволяет наглядно продемонстрировать, какую роль сыграл патриотизм в успехах того или иного государства. Прекрасным примером здесь служат древние Афины.

Интересно также использовать не только классические исторические труды, но и привлекать особые виды источников. Например, древнегреческая трагедия в противовес комедии всегда имела целью изображение идеала человека и гражданина, как утверждал ещё Аристотель (*Aristot. Ars poetica*, 2). Действительно, мы видим в трагедиях и Эсхила, и Софокла людей, преданных своему государству и народу. Герои трагедий Софокла зачастую знают свою судьбу или предчувствуют горький финал, но, несмотря на это гордо следуют предназначению и делают всё во имя справедливости, благополучия полиса и его жителей.

В этом плане Эдип Софокла становится для греков образцом человека и гражданина, который, несмотря на своё ужасное предназначение (убийство собственного отца и женитьба на матери), предсказанное Дельфийским оракулом, всё же стремится избежать его, чтобы не обречь на беды свой род и жителей полиса. Соответственно, основной вопрос современных исследователей сводится к проблеме прототипа этого героя. Ведь известно, что за литературными героями древнегреческой трагедии нередко скрывались реальные люди: политики и полководцы, граждане полиса и общественные деятели.

Примечательно, что сам автор к описанию образа Эдипа обращался не раз, и фиванский цикл, судя по тому, что к нему относится половина из дошедших до нас трагедий драматурга, был очень интересен Софоклу и популярен среди граждан полиса. Столь пристальный интерес к данной теме свидетельствует о сильных эмоциях, вызываемых этими трагедиями, об актуальности их и, вероятно, всем понятным подтекстом. В историографии существует несколько версий, предлагающих своих кандидатов на роль прототипа Эдипа.

К сожалению, датировка трагедий не может служить подсказкой в решении проблемы. Как известно, последняя трагедия «Эдип в Колоне» писалась в послед-

ний год жизни автора (406 г. до н. э., а поставлена уже посмертно), а вот вопрос датировки трагедии «Царь Эдип» вызывает множество споров. Исследователи определяют дату первой постановки в зависимости от понимания того, какие исторические явления Афин и политические лидеры подразумевались в трагедии.

Одна из основных датировок, которой придерживаются Тронский [7, с. 140], Каллистов [2, с. 107], совпадает с 429–425 гг. до н. э. Они объясняют это тем, что начальные события трагедии (мор в Фивах, от которого гибнут и люди, и скот, и посевы (Soph. Oedipus Tyrannus, 25–30) соотносятся с болезнью чумы в Афинах в начале Пелопоннесской войны.

Соответственно, считается, что под образом Эдипа скрывался Перикл, на долю которого выпали несчастья, связанные с его оборонительной политикой в войне со Спартой и началом болезней в афинском полисе. Постепенно против Перикла образуется блок противников, которые начнут судебные процессы сначала против его ближайших друзей и единомышленников, а позднее против него самого. Это приведёт к утрате всякой поддержки Перикла демосом и его лишению должности. Подобное падение положения политического лидера от независимых от него причин мы и видим в сюжетной линии трагедии с Эдипом Софокла, когда в финале главный герой вынужден отправиться в изгнание.

Однако Гринцер в своей работе говорит о том, что подобная трактовка сильно упрощает задумку трагедии и не соответствует настроениям в обществе начала Пелопоннесской войны (ведь Фивы были противником Афин, а, исходя из сюжета трагедии, зрителям бы пришлось полностью отождествить противника с своим полисом) [1, с. 81]. Поэтому создание трагедии только ради напоминания о падении Перикла в условиях борьбы с Фивами было необоснованно.

Но, если совместить эту трактовку с идеей Нокса о том, что под образом Эдипа могли пониматься в целом Афины [8], то эта концепция имеет большую привлекательность. Ведь образ Перикла не зря ассоциировался с целым веком, «золотым веком Афин». Он, можно сказать, и представлял собой Афины того времени, а с 429 г. уже не было больше «первого гражданина», политика полиса «измельчала» [4, с. 69]. И Софокл являлся свидетелем тому, как на смену ему,

идеалу политика, пользовавшегося уважением и доверием граждан в течение 15 лет, не пришёл лидер такой же величины и авторитета, а появилось много незначительных политиков, которые в надежде завоевать благосклонность демоса пренебрегали интересами полиса (Thuc. II. 65. 10–11).

Соответственно, с закатом личности Перикла закатывалось и бывшее могущество Афин, т. е. с какой силой и яркостью полис некогда блистал, с такой же силой совершится его падение. Подобная мысль и озвучивается мудрым прорицателем Тиресием в трагедии: «Но твой успех тебе же на погибель» (Soph. Oedipus Tyrannus, 434). Таким образом, переход от символа-Перикла к всему афинскому полису в образе Эдипа давал Софоклу более глубокий подтекст постановки. Так, он мог предупреждать граждан о положении дел, которое необходимо менять. Афинам нужен такой «первый гражданин», являющийся примером для всех остальных жителей, олицетворением их мыслей и потребностей.

С другой стороны, ещё одной интересной в плане аргументации можно считать трактовку, где под Эдипом понимается Алкивиад [9]. Его распущенность в личной жизни, тщеславное поведение в обществе, стремление к тиранической власти (Thuc. VI. 15. 3–4) и изгнание после дела о гермах (Thuc. VI. 27–29) также соотносится с образом Эдипа (Софокл тоже его характеризует жёстким единоличным властителем: «Власть – моя!») (Soph. Oedipus Tyrannus, 601) и его судьбой. Отсюда датировка трагедии смещается на первую половину 410-х гг. до н. э.

Так, гордость Софокла за век Перикла, когда Афины были на пике своего могущества, сменяется разочарованием от падения нравов после смерти Перикла.

Если так же, как и с Периклом, представить Афины в лице одного Алкивиада, который, несомненно, выделялся среди других политиков после своего предшественника, то и сам полис предстаёт уже развращённым, поражённым болезнью (как мором в трагедии), которая отравляет его изнутри. В этом проявляется и особенность построения сюжета трагедии, где не отстраненно рассказывается суть мифа, а ведётся активный поиск виновника бед от лица Эдипа. Этот постоянный поиск, наконец, показывает причину в нём самом. Так и Афины с её

народом, которые ищут причины своих бед (болезней, неудач в Пелопоннесской войне) в отдельных людях, их личных качествах. Иными словами, за образом Эдипа также можно увидеть деятельность Алкивиада и Афин его периода.

Продолжение этого сюжета мы видим в трагедии «Эдип в Колоне». С одной стороны, в ней можно увидеть аллюзии на Перикла. К концу Пелопоннесской войны стало очевидным поражение Афин, и эта трагедия, в сюжете которой заложено прощение Эдипа и нахождение им приюта в Афинах, словно напоминала о трагической судьбе некогда блистательного полководца Перикла.

Перикла, как и Эдипа, обвиняют в независимых от него обстоятельствах. Подобно тому, как Эдипу судьбой предназначено обречь город на беды одним только своим существованием и происхождением, так и Периклу регулярно в порок ставили его происхождение и проклятие рода Алкмеонидов [5, с. 186]. Как и в случае с Эдипом, на Перикла неожиданно ополчаются все граждане («Тут стали гнать меня, и гнал весь город...») (Soph. Oedipus epi Colonoï, 424). Причём даже гибель двух сыновей Перикла словно отсылает нас к сюжету о смерти детей Эдипа Полиника и Этеокла, что также тяготит и напоминает о судьбе.

Но в конце Эдип, нашедший убежище в Афинах, даровал полису защиту и спокойствие. Так и Перикл, оклеветанный и лишённый должности стратега, позднее был снова им избран.

Причём, несмотря на все несправедливости судьбы Периклу до конца жизни была важна судьба полиса. Из сочинений Плутарха (Plut. Pericles, 38) известно, что незадолго до смерти Перикл признавался своим друзьям, что главной своей заслугой считает тот факт, что ни один афинянин из-за него не был в трауре. И эта же проблема волновала Эдипа: «А я душой болею за город мой, за вас и за себя» (Soph. Oedipus Tyrannus, 63–64), «о них печалюсь сильнее, чем о собственной душе» (Soph. Oedipus Tyrannus, 93–94).

Так, Софокл через образ Эдипа возвеличивает память о Перикле и внушает афинянам надежду на благополучное будущее. Недаром его Эдип в течение всей трагедии твердит: «И жизнь свою злосчастную окончу на благо приютив-

шим, на погибель тем, кто, отвергнув, выгонит меня» (Soph. Oedipous epi Colonoï, 91–93).

С другой стороны, ситуация применима и к Алкивиаду. Место действия драмы разворачивается уже не в Фивах, а в Афинах. Эта перемена словно отсылает нас непосредственно к судьбе Алкивиада, который то возвращался в Афины, то вновь подвергался изгнанию и воевал на стороне Спарты. Но это не мешало ему возвращаться в Афины и приносить им победы без всякой обиды. Не зря Эдип говорит: «К терпению приучен я страданьем, самой природой и скитаньем долгим» (Soph. Oedipous epi Colonoï, 7–8).

Однако Софокл явно пытается донести до зрителя, что эти необдуманные изгнания Алкивиада народом только вредят Афинам, осложняют борьбу со Спартой. Алкивиад ассоциируется с победой несмотря на какие-то частные неудачи, а его изгнания оборачиваются афинянам новыми поражениями в боях. Так, Софокл практически в самом начале трагедии уже предсказывает гибельную судьбу афинского полиса при такой политике. И пророчество Эдипа сбывается: «И жизнь свою злосчастную окончу на благо принявшим, на погибель тем, кто, отвергнув, выгонит меня» (Soph. Oedipous epi Colonoï, 91–93). Ведь так и случилось в битве при Эгоспотамах, когда афинские полководцы не захотели слушать полезных советов Алкивиада и отвергли его помощь, что привело к финальному поражению Афин. Отсюда и меньшая популярность этой трагедии среди афинян, т.к. картина представляется довольно мрачной.

Примечательно, что Алкивиад зачастую в исторических источниках (Thuc. VI. 27–29) выступает как авантюрист и нечестивец в силу своего развращённого характера, что не делает его светлой положительной фигурой и жертвой. А Перикл известен как мудрый, талантливый политик и оратор (Thuc. I. 139). Поэтому тем более интригующим становится литературный образ Эдипа.

Кроме того, в образе Эдипа заключена и частица самого автора трагедии. Неспроста Софокл возвращается к этому герою под конец своей жизни и пишет «Эдип в Колоне». Этот город является родным для Софокла, и в трагедии он предстаёт во всей красе. Автор возвеличивает и Афины, и их предместье, где он

родился. Так, невольно Софокл через образ Эдипа просматривает всю свою жизнь с её подъёмами (успехи в театральные постановки, занятие важных должностей в Афинах вплоть до одного из десяти стратегов и т. д.), падениями, когда он был осуждён за участие в олигархическом перевороте 411 г., и, наконец, тихой старостью в родном городе. Все эти перипетии также роднят его с мифическим образом Эдипа, который всё же к концу жизни обрёл покой за свою верность интересам полиса.

Автор, в сущности, делал акцент не на политическом лидере Афин, а, скорее, на патриоте своей родины. Поэтому через образ Эдипа зрители понимали, что даже самым выдающимся грекам, как и любым другим людям, свойственно ошибаться в силу своего характера, предначертаний судьбы или случайностей. Но истинный патриот полиса, как Перикл и Алкивиад, должен бороться за процветание и могущество Афин, жертвуя порой своим положением в обществе, даже уважением граждан, в соответствии со словами Эдипа: «Но ни один из вас все ж не страдает так, как я страдаю: у вас печаль лишь о самих себе, не более, – а я душой болею за город мой, за вас и за себя» (Soph. Oedipus Tyrannus, 60–64).

Универсализм образа Эдипа, в сущности, является литературным кодом, за которым скрывается гражданин-патриот своего полиса, до конца следующий своему долгу и предназначению.

Список литературы

1. Гринцер Н.П. Политический смысл «Эдипа-царя»: нужен ли ответ на вечный вопрос? / Н.П. Гринцер // Шаги/Steps. – 2017. – Т. 3. №4. – С. 76–92. EDN XMREEX
2. Каллистов Д.П. Античный театр / Д.П. Каллистов. – Л.: Искусство, 1970. – 174 с.
3. Сивкина Н.Ю. Историческое мышление в условиях цифровой трансформации общества / Н.Ю. Сивкина // Цифровизация в системе образования: передовой опыт и практика внедрения (Краснодар, 22 марта 2024 г.). – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 76–79. EDN CLEVEA

4. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц / И.Е. Суриков. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 328 с. EDN RENDRL

5. Суриков И.Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин / И.Е. Суриков. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – 256 с. EDN SUNXAP

6. Багаева О.Н. Традиционные ценности в современном образовательном пространстве как инструмент духовно-нравственной безопасности и сохранения культурного наследия / О.Н. Багаева, С.К. Бондырева, С.М. Вилкова [и др.]. – Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2023. – 153 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52764088> (дата обращения: 02.09.2024).

7. Тронский И.М. История античной литературы / И.М. Тронский. – Л.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. – 508 с.

8. Knox В. Oedipus at Thebe / В. Кнох. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1957. – 279 p.

9. Vickers M. Sophocles and Alcibiades: Athenian politics in ancient Greek literature / M. Vickers. New York; London: Routledge, 2014. – 192 p.